

Глава 1

Ладога, 890 год

С вершины Дивинца поднимался столб дыма, хорошо видный в ясный весенний день. Это означало, что по Волхову идут от моря варяжские корабли — первые в это лето. Приближался к концу месяц березень, и Домагость, ладожский старейшина и хозяин самого крупного в нынешней Ладоге гостиного двора, так рано их не ждал — думал, как всегда: справим Навью Седмицу, отгуляем Красную Горку, а там и за летние хлопоты примемся. Но приплыли так приплыли.

С мыса над устьем Ладожки было хорошо видно широкий Волхов внизу и лодьи на нем. Первым весенним гостем оказался старый знакомый — Вестмар Лис. Домагость сразу узнал его, увидев на носу передней снеки рослого, довольно худощавого мужчину лет тридцати пяти, со светлыми волосами, заплетенными в косу, светлой бородкой, в широких розовых штанах, крашенных корнем марены, синей верхнице и лисьей безрукавке мехом наружу. Приятели шутили, что Вестмар носит лисью шкурку, чтобы ловчее вести свои торговые дела. На груди у него красовалась железная гривна с двумя подвесками в виде молоточков, которые называются «торсхаммер» и которые так любят уроженцы Земли Свеев. В этот раз с Вестмаром пришло аж три корабля — то ли разбогател за прошедший год, то ли нашел новых товарищей. Наметанным глазом Домагость оценил сложенный груз: тюки, обернутые от морской воды тюленьими шкурами, бочонки — видимо, соль. На тюках, бочонках, просто на днище сидели, плотно прижавшись друг к другу, десятка два женщин — все молодые, одетые в потрепанные рубахи, серые и грязно-черные. Надо думать, пленниц везет на продажу. Значит, со-

брался не до Ладоги и обратно в Варяжское море, а дальше, на Волжский путь. Вестмар Лис был одним из немногих, кто решался изредка отправляться в те края — до болгарской земли. Потому и людей так много вел с собой — меньшим числом слишком опасно. Обычно варяжские торговые гости являлись в Ладогу, обменивали свои товары на местные и в то же лето отправлялись обратно, чтобы успеть с ладожскими мехами и медами попасть в какие-нибудь вики при Варяжском море, где на этот товар была хорошая цена.

Посмотрев, как первый из кораблей входит в устье Ладожки, Домагость спустился с мыса и пошел к берегу — встречать. Вестмара Лиса он знал хорошо — в прежние годы они немало вечеров провели вместе, распивая то пиво, то брагу, обсуждая дела всех на свете стран и народов, о которых Вестмар, посещающий в год два-три вика, знал довольно много.

Когда Вестмар сошел на берег, Домагость уже ждал на мостках, ведущих от воды до гостиного двора, по привычке засунув пальцы за пояс и широко расставив ноги, как истинный хозяин этой земли. Возле него стояли сыновья, ради такого случая бросившие работу: Доброня и Братоня, оба прямо из кузни, в передниках из бычьей кожи, а еще Велем и даже тринадцатилетний Витошка, младший. За спиной толпились пять или шесть челядинов, готовых помочь, если надо, с переноской груза. И позади всех, поодаль, перед дверью дома, собрались Домагостевы женщины — жена, дочери и челядинки. Прибытие первого гостя в году — всегда событие, всегда радость для людей, полгода не видевших новых лиц. Весь свободный от работы народ, привлеченный дымом над Дивинцом и видом идущих кораблей, бежал отовсюду — посмотреть, кто приехал, что привез.

— Хейль ду, Вестмар Халльвардссон! — Домагость приветственно поднял руку. За полтора века совместного проживания ладожане настолько свыклись и сроднились с варягами, что даже малые дети здесь могли связать несколько слов на северном языке, а уж в семействе Домагостя легко объяснялись даже челядины. — Привет тебе! Порадовал ты нас, мы еще и ждать не начали. Хорошо ли добрался?

— Поздорову ли, Домагаст Витонешнич? — в ответ по-словенски выговорил Вестмар. Он довольно хорошо знал словенскую речь, хотя некоторые звуки ему не давались. — Рад видеть тебя живым и довольным. Если я первый, то у тебя есть место? У меня в этот раз много людей, а еще рабыни. Я надолго задерживаться не хочу, но если у вас еще холодно по ночам, то нужно найти им место под крышей. Это все молодые женщины, и мне хотелось бы довести их живыми и по возможности здоровыми. Они и так ослаблены, их захватили давно и уже больше месяца возят по морю: сначала в Хейдабьюр, потом на Бьёрко.

— А что так — ценѣ не давали? — Домагость окинул взглядом головы пленниц. Люди Вестмара тем временем начали понемногу переносить груз с кораблей на берег, челядины Домагостя покатали бочонки по мосткам к клетки.

— В Хейдабьюре, говорят, с прошлого лета очень низкие цены на рабов, их из Бретланда привозили очень много. Иггвальд конунг не стал продавать их там и привез на Бьёрко, а там боги послали ему меня. Мы сторговались очень выгодно: полмарки за каждую сейчас и еще полмарки — когда продам и вернусь. Я не мог упустить такой удобный случай. Но теперь мне придется везти их на Олкогу¹. Хорошо еще, уговорил Фасти Лысого и Хольма Фрисландского поехать со мной. Иначе у меня не хватило бы людей для такой поездки. А что тут у вас? Как ваши соседи? Твой родич с озера Ильмерь² еще не провозгласил себя конунгом?

— Да кто ж ему даст?

Следом за Вестмаром с корабля спустились два парня, на вид лет шестнадцати-семнадцати, и остановились за спиной варяга — оба в простой некрашеной одежде, один в вязаной шапочке, другой в войлочной. Лица их с едва пробившимся юношеским пушком выражали скрытое недоумение и надменную замкнутость.

¹ Олкога — скандинавское название Волги, возможно, они считали ее и Оку за одно. (Здесь и далее прим. авт., если не указано иное.)

² Поскольку название озера Ильмень происходит от угро-финского «иль-мари», что значит «небесное», первоначальная форма славянского названия, вероятно, была Ильмерь.

тость — как у простачков с хутора, впервые оказавшихся среди множества незнакомых людей и боящихся ударить лицом в грязь.

— Да это никак твои сыновья? — с улыбкой заметил Домагость, окинув юнцов любопытным взглядом.

Вестмар оглянулся.

— Нет, это сыновья моей сестры, — слегка скривившись, ответил он. — Младшие. Старший унаследует усадьбу, а этих двоих она хочет пристроить к торговому делу и попросила меня взять их с собой. Их зовут Свейн и Стейн, сыновья Бергфинна. Если не запомнишь, кто какой, не беда.

— Свеньша и Стеньша, стало быть! — Домагость усмехнулся. — Ну, это нам запомнить не мудрено, у меня самого шурь Свеньша, Синибернов сын. Дивляна! — закричал он, обернувшись к дому, и призывно взмахнул рукой.

Возле двери дома стояли две девушки, с любопытством разглядывая гостей. Всякий понял бы, что это родные сестры, погодки или около того, в самой поре, что называется, маков цвет. У обеих были золотисто-рыжие волосы, мягкие, густые и пышные, с задорными и милыми кудряшками на висках и надо лбом. Старшая, Яромила, повыше ростом, могла считаться настоящей красавицей, так что дух захватывало при взгляде на ее белое лицо с правильными чертами, красивый нос с легкой горбинкой, тонкие черные брови с маленьким надломом, оттеняющие голубые глаза. При этом сразу было видно, что она умна, обладает ровным нравом и умеет со всеми ладить. На весенних девичьих праздниках она уже лет пять была единодушно избираема Лелей, а на Ярилиных днях водила девичьи «круги» и запевала песни во славу весенних богов. В нарядно вышитой светлой рубашке из беленого льна, с пышным венком на золотисто-рыжих волосах, она выглядела истинной Солнцедевой. Вестмар однажды обмолвился, что на болгарских торгах смело просил бы за такую красавицу столько серебра, сколько она сама весит, и непременно получил бы. Милорада, мать девушек, скривила губы, подумав, не обидеться ли на такую «похвалу», но Домагость только хмыкнул: привыкнув оценивать людей, особенно женщин, как возможный товар, Вестмар Лис дал Яромиле наивысшую цену.

На зов отца подошла ее младшая сестра. Однако и при виде нее Вестмар невольно приосанился и даже провел пальцами по усам.

— О, Диви... лин! — Вестмар попытался правильно выговорить ее имя, но получилось не очень, и он продолжил на родном языке: — С каждой весной она становится все красивее. Удивительно, что еще никто ее от вас не увез, — но я очень рад этому.

Девушка поклонилась, пряча улыбку. К этой весне Дивляне исполнилось шестнадцать лет, и, по мнению ладожан и заезжих гостей, она мало чем уступала старшей сестре. Со светло-рыжими волосами и белым лицом, на котором, однако, по весне появлялось немного веснушек, с яркими серыми глазами, черными бровями и ресницами, небольшим прямым носом, подвижная, веселая, она всегда будто искрилась радостью и жизнелюбием, и мать в детстве называла ее «искорка моя». Даже то, что Дивляна была невелика ростом, делало ее облик еще более драгоценным, словно золотой перстень, который хоть и мал, но дорого стоит. Сообразительная и бойкая, она не робела многочисленных торговых гостей, среди которых прошла вся ее жизнь, но умела оберегать свое достоинство. И то сказать: среди ладожских дев никого не нашлось бы выше родом, чем дочери Домагостя. Прадедом их, ни много ни мало, был ильмерский князь Гостивит, а дед Витонег стал первым ладожским старейшиной после изгнания руси¹, и он же вел словенские дружины, сбросившие в Невозеро Люта Кровавого и его людей.

— Возьми этих двоих, отведи в дом, — велел Домагость, показывая ей на племянников Вестмара. — Это сестричи его.

— И пусть они не устраиваются на лавках с таким видом, будто уже умирают, а готовят места для всех моих людей, — напутствовал их Вестмар. — Да уж, случись мне их продавать, я бы много не выручил... — пробурчал он себе под нос.

Дивляна засмеялась, бросив лукавый взгляд на двух юных гостей, имевших растерянный и довольно глупый вид. Они много слышали об этом вике — Альдейгье, который на морях называ-

¹ Русь — морские дружины из Средней Швеции, промышленявшие разбоем; варяги — мирные торговцы скандинавского происхождения.

ли Воротами Серебра. Однако вид его их разочаровал — ничто здесь не говорило о легендарных богатствах, уже более ста лет протекающих этим путем с Севера на Восток и обратно. Вик Альдейгья был обычным поселком, причем маленьким. От подножия мыса, где они находились, в поле зрения попадало не более десятка строений, из них большим был только гостиный двор, а остальные — обычные срубные жилища, беспорядочно разбросанные на возвышенной части берега среди проток и обрывистых склонов, которые сами по себе служили поселению неплохой защитой. Здесь же впадала в Волхов небольшая темная речка, заросшая болотной травой и кустами. Углубленные в землю избы казались еще меньше, чем были на самом деле. Между ними, на заросших пустырях, кое-где виднелись черные полосы свежевскопанных огородов, паслись козы, веревками привязанные к колышкам. Лежали у воды рыбачьи челны, сушились сети, на кустах у малой речки сохли выстиранные рубахи и порты.

— Этот вик такой маленький? — с разочарованием спросил у девушки парень в вязаной шапочке. — А мы слышали, что это один из крупнейших вигов на Восточном пути.

— Это еще не все, — ответила девушка. — Здесь только мы да Братомеровичи, да Синиберновичи и Вологор с семейством, все наше сродье, а там дальше тоже люди живут. — Она показала вдоль берега Волхова. — На несколько верст еще... ну, на целый «роздых», по-вашему. Здесь много людей. Правда, не так много, как при свеях, когда тут сидел ярл Лют Кровавый и дань собирал. Зато теперь мы сами себе хозяева и дани никому не платим.

— Зато теперь нет дороги по Восточному пути, — пробурчал парень в войлочной шапочке. — Раньше, при свеях, серебро текло рекой, а теперь... Дядя говорил, что люди, которые живут вдоль Восточного пути, враждуют между собой и все норовят собрать как можно больше с проезжающих торговцев, а то еще и ограбить! Только наш дядя Вестмар может ездить здесь, потому что у него хватает ума договориться со всеми и достаточно сил, чтобы защитить свой товар.

— У нас не ограбят! — заверила Дивляна. — До порогов целыми доедете, а там уж мы не в ответе, там с Вышеслава

словенского спрашивайте, если что... Вы что же, думали, серебро легко добывается?

Гостиный двор стоял довольно близко от берега, в окружении клетей для товаров, кузницы, бани и прочего в этом роде. Пройдя через пристройку-сени, племянники Вестмара Лиса оказались в доме, напомнившем родной Свеаланд — здесь были ряды столбов, подпиравших кровлю, но стены из бревен. Земляной пол покрывали широкие деревянные плахи, а вместо открытого очага, привычного для северян, в середине располагалась печь из камней и глины, окруженная небольшими деревянными переборками.

— А это зачем? — то ли Стейн, то ли Свейн кивнул на печь и переборки.

— Онучи сушить, — мягко и почти с состраданием — жаль ведь человека, если он такой дурак! — ответила девушка, глядя на гостя, как на неразумное дитя. — И чулки. А товары складывать — сюда. — Она показала в сени и на гульбища, идущие во круг всего здания, что делало его более вместительным.

Но долго разговаривать с гостями Дивляне было некогда — мать позвала ее, и она убежала, — только пышная рыжая коса мелькнула. У Домагостевой жены Милорады теперь хватало заботы — надо было сразу накормить почти сотню человек, включая пленниц. Спешно послав двух челядинов на Волхов — купить у рыбаков побольше рыбы, — обеих старших дочерей она увела в клеть осматривать припасы. Хлеба весной не было почти совсем, а остатки Милорада берегла для поминаний Навьей Седмицы, зато еще имелась подвядшая репа и сколько угодно кислой капусты.

— Не знаю, скажут свинью резать — будет мясо, — рассуждала она. — Витошка! Беги к отцу, спроси, свинью резать? А ты, Велем, возьми вот репу да неси на берег — Вестмар просил женщин накормить побыстрее, а то, боится, не дотянут. Скажи, если есть совсем слабые, молока ведро дам.

Велем, или Велемысл, если полностью, третий сын Домагостя, тут же взвалил на плечи мешок репы и пошел на берег, куда свеи уже вывели пленниц. В двадцать один год Велем был рослым, силь-

ным, и отец полагался на его помощь и разумение во всех своих делах: и когда зимой ездил по чудинским поселкам, скупая меха, мед и воск для перепродажи варяжским гостям, и когда летом принимал этих гостей в Ладоге. В свободное время Велем помогал старшим братьям в кузнице и вообще не чурался никакой работы. При этом он был очень общительным, разговорчивым, дружелюбным и бойким, порой даже излишне шумным, и уже лет пять избирался вожакom всех ладожских парней — баяльником, как это называлось. Зимой он возглавлял ватагу, которая, по старому обычаю, до весны отправлялась в лес добывать меха, и сам не раз ходил на медведя. Из этих схваток Велем вынес несколько шрамов на плечах и даже на лбу, отчего у него правая бровь была попорчена, но он не смущался и не боялся, что девки любить не будут. Любили его за удаль и веселость, да и лицом он был не так чтобы красавец, но довольно хорош: с правильными чертами, по-мужски грубоватыми. Русые волосы, с таким же рыжеватым отливом, как у сестер, только темнее, расчесанные на прямой пробор, красиво лежали над высоким широким лбом, который указывал на присутствие в его жилах части варяжской крови, на лбу и щеках темнело несколько оспинок, оставшихся от перенесенной в детстве болезни. Короче, третий сын у Домагостя получился хоть куда, и все в Ладоге были уверены, что со временем он займет одно из первых мест среди ладожской старейшины.

— Ты пчела ли, моя пчелынька,
Ты пчела ли моя белая,
По чисту полю полетывала,
Ко сырой земле прикладывалась,

— пел Велем по дороге, и тяжесть мешка ничуть ему не мешала. Ясный весенний день, радость и воодушевление от приезда гостей, нарушившего скуку каждодневного существования, собственная молодая удаль — этого было довольно, чтобы петь.

На берегу уже дымил костер. Двое или трое варягов, оставленные Вестмаром для присмотра за пленницами, развели огонь и повесили над ним большой черный котел с водой. Велем опустил рядом мешок, и один из варягов знаком предложил ближайшим пленницам приняться за чистку, для чего вручил им два

тупых ножа с короткими лезвиями и деревянными черенками. Пленницы покорно принялись за работу. Велем окинул их любопытным взглядом. Все рабыни были молоды — само собой, старух не повезли бы через три моря, поскольку плата за них не оправдает прокорм в пути, — и одеты в почти одинаковые рубахи тускло-черного и серого цвета. Изможденные лица выражали покорность и смирение. Никто не плакал, не рвался, никого не нужно было связывать. Впрочем, с привезенными издалека пленниками почти всегда так. Они уже смирились со своей участью, а бежать им здесь некуда.

Почти у всех оказались короткие волосы — не длиннее чем до плеч. У некоторых на головах были грязные повязки и покрывала, но по тому, как плотно они прилегали к головам, делалось ясно, что косы под ними не скрываются. «Это что же — вдовы?» — подумал Велем. Вдовы обрезают волосы после смерти мужа и выходят снова замуж не раньше, чем отрастут косы. Но где варяги набрали сразу столько молодых вдов? «Да нет, — сам себя поправил сообразительный Велем, — тут дело в другом». Эти женщины стали вдовами после того, как разбойные морские дружины пришли на их землю, поубивали всех мужчин, а их жен, оставшихся без защиты, полонили.

— Как у вас дела? — весело расспрашивал его один из торговых гостей, невысокий и лысый, — видимо, это и был Фасти. — Еще не выбрали себе конунга?

— Да зачем нам конунг? — Велем улыбнулся. — Мы и сами как-нибудь. Сестру мою позапрошлой осенью замуж выдали в Дубовик — теперь там у нас родня, от нас поклонитесь, вас и приютят.

— А у тебя много сестер осталось?

— В девках три.

— Значит, хватит еще на три города, — посчитал Фасти. — А когда кончатся сестры, как же мы поедем дальше?

— Вот с этим. — Велем показал на меч у пояса варяга. — Говорят, этим ключом все двери отпираются.

Он хотел спросить, откуда привезли этих странных женщин, но мать позвала его, и пришлось спешить на зов.

— Ко сырой земле, к зелену лужку,
Да ко цветику ко лазореву!

— доносилось до костра.

Забот Домагостевым домочадцам хватало: приехавших надо было разместить, перенести товар, устроить под крышей то, что боится дождя, приготовить на всех еду. На костре возле двора челядины Грач и Ворон опаливали свиную тушу — несло горелой щетиной. Пробежала Дивляна с лукошком яиц; увидев Яромилу с ведерком молока, Велем взял у сестры ношу и глазами спросил, куда нести.

Тем временем старшие из гостей спешили заручиться покровительством местных богов, как того требовал обычай всех торговых людей. Шагах в ста от устья Ладожки, там, где она сливалась с речкой под названием Ула-йюки — Заключка по-словенски, — над глубоким омутом располагалась довольно широкая площадка святилища. Здесь, перед большим белым камнем, выступающим из земли, был сложен из камней жертвенник, а по трем сторонам его возвышались деревянные идолы трех богинь: Марены с серпом, Макоши с веретеном и Лады с кольцом. Сюда, богиням-покровительницам Ладого, все торговые гости приносили жертвы, после того как еще по дороге почтили Велеса в его святилище, что ниже по реке. Зная о прибытии гостей, к белому камню собрались жрицы богинь: три старухи, три женщины и три девушки. Каждая тройка встала перед идолом своей покровительницы: женщины — в середине, старухи и девушки — по бокам. Тут Вестмар, Хольм и Фасти снова увидели знакомые лица: средней в ряду женщин стояла Милорада, а в ряду девушек — Яромила, ее старшая дочь. Еще в прошлом году старух возглавляла бабка Радогнева, мать Милорады, и таким образом женщины из Домагостева рода были представлены среди служительниц всех трех богинь: бабка, мать и внучка.

— О, великие богини — Дева, Мать и... Мать Матерей! — Подойдя во главе своих товарищей, Вестмар почтительно поклонился.

Краем глаза окинув жриц, он отметил, что некоторые из них с прошлого его приезда сменились: не было старухи Радогневой,

и две девушки по обе стороны от Яромила тоже оказались новые. Одна из старух и одна из девушек — чудишки родом, судя по лицам и уборам, изобилующим костяными подвесками. Все понятно: старые жрицы Марены умирают, юные жрицы Лели выходят замуж и передают свои обязанности другим. Только Яромила все еще здесь: Домагость так ценит свою старшую дочь, на которой, как тут верят, лежит особое благословение, что никак не подберет достойного ее жениха.

— Я, Вестмар сын Халльварда, по прозвищу Лис, родом из Свеаланда, снова приехал на вашу землю и привез товары: двадцать шесть молодых пленниц, десять мечей из Рейнланда, сорок бочонков соли, тридцать бочонков вина, — и теперь хочу увезти пленниц на реку Олкогу, а вино, мечи и соль продать здесь, если найду хорошего покупателя. Я прошу вас о покровительстве, чтобы никто не навредил мне на вашей земле и чтобы я смог вести торговлю как можно выгоднее. А вам в благодарность я подношу дары!

Вестмар сделал знак, его люди поднесли ларь. Открыв его, он каждую из девяти жриц оделил подарками: одним досталось по отрезу хорошего сукна, другим — по красивому кувшину из Страны Фризов с узорами из белого олова, остальным — по бусине: кому хрустальная, кому стеклянная, кому сердоликовая, круглая или затейливо ограненная. Бусины эти стоили так дорого, что даже у состоятельной женщины они все были наперечет, и появление новой обсуждалось товарками, как весьма значительное событие. И еще потому ладожские старухи, женщины и девушки лучших исконных родов стремились получить право служить богине, что, кроме почета, это приносило немалую выгоду от таких вот подношений торговых гостей.

В благодарность за дары старшие жрицы поднесли варягам пива в чаше, передавая тем самым благословение своей богини, в омут вылили по кувшину молока, и теперь гости могли со спокойной душой приниматься за дела. А жрицы вернулись к повседневным хлопотам, в том числе Милорада и Яромила, от которых благополучие гостей зависело в самом прямом смысле.

— Вы цветочки ли, мои цветики,
Цветы алые, лазоревые,
Вы голубые, бело-розовые!

— пел Велем, проходя мимо берега. От костра уже несло запахом вареной рыбы. Яромила только что хвасталась ему варяжским подарком: тремя бусинами из медово-желтого сердолика, округлыми, с множеством мелких треугольных граней, такими красивыми, теплыми даже на вид! Дивляна, изнывая от зависти, просила подарить ей хоть одну, упирая на то, что у Яромилы от тяжести ожерелий скоро переломится шея.

— Да вы души ли красны девушки,
Да вы ступайте во зеленый лес гулять,
Да вы поймайте белу рыбу да на воде,

— распевал он, смеясь и вспоминая спор сестер.

— Эй! Бьела риба! — весело окликнул его кто-то.

Велем обернулся. Его звал один из варягов, который вместе с Фасти присматривал за пленницами. В руке он держал старую деревянную ложку — потемневшую, обгрызенную, да еще и треснувшую по всей длине — и при этом смотрел на ложку, висевшую на поясе у Велема, — новенькую, из липового дерева, промасленную льняным маслом, приятного золотистого цвета. Тот сам ее вырезал на днях — руки у него с детства росли как надо — и украсил черенок узором-плетенкой. Варяг улыбнулся и жестом показал, что хотел бы эту ложку получить. Видимо, он был здесь в первый раз и сомневался, что его поймут.

Кивнув, Велем спросил по-варяжски:

— Что дашь?

Он думал, что ему предложат какую-нибудь ерунду: пуговицу или гребешок подешевле, да и то только потому, что обед уже готов, а хлебать нечем. Ладожским девушкам он резал ложечки за поцелуй — а что еще она стоит, ложка-то? Но с варягом он целоваться не станет, как ни проси! Подумав об этом, Велем ухмыльнулся. Варяг похлопал себя по поясу и бокам, отыскивая, что бы предложить в обмен, а Фасти вдруг потянул его за рукав и показал куда-то вправо от костра: